
УГОЛОВНОЕ ПРАВО, УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС И КРИМИНАЛИСТИКА

CRIMINAL LAW, CRIMINAL PROCEDURE AND CRIMINALISTICS

УДК 343.241

ЛИШЕНИЕ СВОБОДЫ В СИСТЕМЕ МЕР УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ: СИСТЕМНО-ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПРАВОВОГО СТАТУСА В НОРМАХ БЕЛОРУССКОГО УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

А. В. ШИДЛОВСКИЙ¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Посредством системно-функционального анализа изучается правовой статус лишения свободы в нормах белорусского уголовного законодательства в сопоставлении с уголовно-правовыми институтами и иными законоположениями. Исследуется эволюция наказания в виде лишения свободы и его место в системе мер уголовно-правового воздействия. Делается вывод о комплексном характере образования правового статуса лишения свободы. На основе этого вывода проводится дифференциация формирующих данный правовой статус элементов в зависимости от их функционального предназначения, влияния на содержание и природу происхождения иных правовых институтов и мер уголовно-правового воздействия. Обосновывается, что правовую природу лишения свободы образует комплекс уголовно-правовых, уголовно-исполнительных и уголовно-процессуальных норм и институтов. Правовое регулирование лишения свободы как меры уголовно-пенальной ответственности не исчерпывается только уголовно-правовыми нормами о порядке ее назначения или иного применения. С данной мерой связан комплекс регулирующих норм уголовно-исполнительного и уголовно-процессуального законодательства. Комплексный правовой статус лишения свободы, включающий нормы смежных отраслей и подотраслей законодательства, позволяет говорить о пенитенциарном типе уголовной ответственности ресоциализационно-реабилитационного характера. В действующем уголовном законодательстве

Образец цитирования:

Шидловский АВ. Лишение свободы в системе мер уголовно-правового воздействия: системно-функциональный анализ правового статуса в нормах белорусского уголовного законодательства. *Журнал Белорусского государственного университета. Право.* 2023;1:108–113. <https://doi.org/10.33581/2520-2561-2023-1-108-113>

For citation:

Shidlovsky AV. Deprivation of liberty in the system of measures of criminal legal impact: systemic and functional analysis of the legal status in the norms of the Belarusian criminal legislation. *Journal of the Belarusian State University. Law.* 2023;1:108–113. Russian. <https://doi.org/10.33581/2520-2561-2023-1-108-113>

Автор:

Андрей Викторович Шидловский – кандидат юридических наук, доцент; декан юридического факультета.

Author:

Andrey V. Shidlovsky, PhD (law), docent; dean of the faculty of law.
shidlovsky_a@mail.ru

феномен лишения свободы объединяет два принципиально разных его правовых статуса: правомерного явления и неправомерного явления.

Ключевые слова: лишение свободы; меры уголовно-правового воздействия; системно-функциональный анализ правового статуса лишения свободы; пенитенциарный тип уголовной ответственности.

DEPRIVATION OF LIBERTY IN THE SYSTEM OF MEASURES OF CRIMINAL LEGAL IMPACT: SYSTEMIC AND FUNCTIONAL ANALYSIS OF THE LEGAL STATUS IN THE NORMS OF THE BELARUSIAN CRIMINAL LEGISLATION

A. V. SHIDLOVSKY^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

The legal status of deprivation of liberty in the norms of the Belarusian criminal legislation is analysed through a system-functional dimension in comparison with criminal law institutions and other legal provisions. The evolution of punishment in the form of deprivation and its place in the system of measures of criminal law influence are studied. The conclusion about the complex nature of the legal status formation of deprivation of liberty is made, and on this basis, the differentiation of the elements that form it is carried out depending on their functional purpose, influence on the content and nature of the origin of other legal institutions and measures of criminal law impact. It is substantiated that the legal nature of deprivation of liberty is formed by a complex of criminal law, penitentiary and criminal procedure norms and institutions. The legal regulation of deprivation of liberty as a measure of penal liability is not limited to criminal law rules on the procedure for its appointment or other application. This measure is associated with a complex of regulatory norms of the penitentiary and criminal procedural legislation. The complex legal status of deprivation of liberty, including the norms of related industries and sub-sectors of legislation, makes it possible to speak of a penitentiary type of criminal liability of a resocialisation and rehabilitation nature. In the current criminal legislation, the phenomenon of deprivation of liberty combines its two fundamentally different legal statuses: as a lawful phenomenon and as an illegal phenomenon.

Keywords: deprivation of liberty; measures of criminal-legal influence; system-functional analysis of the legal status of deprivation of liberty; penitentiary type of criminal liability.

Введение

Исследование эволюции феномена наказания позволяет сделать вывод, что в системе уголовных наказаний лишение свободы появилось гораздо позднее других, более публичных и зрелищных видов наказания. В самостоятельный вид наказания лишение свободы стало оформляться в древних законах по мере гуманизации общества и необходимости поиска альтернатив публичным казням.

В уголовном праве Беларуси это произошло в XVI в. Официально срок лишения свободы мог назначаться в пределах от 3 недель до 1 года и 6 недель. Фактически заключенного могли держать до тех пор, пока он не выплачивал штраф, не возмещал ущерб либо не представлял своего поручителя [1, с. 653].

Следует отметить, что количество практикуемых разновидностей лишения свободы в России достигло максимума в XIX в. В частности, согласно Уложению о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. (в том числе и в редакции 1885 г.) все наказания делились на уголовные и исправительные [2, с. 143–184].

К уголовным видам наказания относились лишение всех прав состояния и смертная казнь, лишение всех прав состояния и ссылка на каторжные работы, лишение всех прав состояния и ссылка на поселение или «на житье» (например, в Сибирь, на Кавказ на срок от 5 до 20 лет). Каторжные работы по длительности, в свою очередь, делились на 7 видов (бессрочные, на срок от 4 до 15 лет (в некоторых случаях 20 лет) и т. д.)¹. Каторга представляла собой

¹Термин «каторга» (от греч. *κάτεργον* – большое гребное судно с тройным рядом весел; позднее такое судно стали именовать галерой) возник в Средние века и означал наказание, заключающееся в ссылке осужденных гребцами на суда-галеры (каторги), где они приковывались цепями к скамьям в трюмах. Подневольный карательный труд на пользу казны государства как мера наказания известен с глубокой древности, в Римской империи он получил широкое распространение. В XVI–XVII вв. в Западной Европе (Великобритания, Франция и др.) осужденные на каторгу использовались на самых тяжелых работах в тюрьмах, на рудниках и т. д. В России каторга существовала с XVII в. и была отменена Временным правительством после Февральской революции в 1917 г., а Указом Президиума Верховного Совета СССР от 19 апреля 1943 г. № 39 «О мерах для немецко-фашистских злодеев, виновных в убийствах и истязаниях советского гражданского населения и пленных красноармейцев, для шпионов, изменников Родины из числа советских граждан и для их пособников» каторжные работы были введены для специального контингента осужденных сроком от 15 до 20 лет. В современном уголовном законодательстве государств – участников СНГ этот вид наказания отсутствует. В настоящее время каторжные работы известны уголовному праву Аргентины, Гаити, Доминиканы, Индии, Ирака, Кении, Мали, Марокко, Южной Кореи, Сенегала, Шри-Ланки, Японии и некоторых других. См.: Додонов В. Н. Сравнительное уголовное право. Общая часть / под общ. и науч. ред. С. П. Щербы. М.: Юрлитинформ, 2009. С. 293–294.

заключение в каторжные тюрьмы с принудительными тяжелыми работами в помещениях или вне их. Для каторжных работ нарушители закона ссылались в Сибирь и на остров Сахалин, некоторые государственные преступники – в Шлиссельбургскую тюрьму [3, с. 54–55].

Исправительными наказаниями являлись отдала на время в исправительные арестантские отделения на срок от 1 года до 12 лет (всегда сопровождалась наказанием розгами от 50 до 100 ударов), временное заключение в тюрьме на срок от 2 недель до 1 года, а в некоторых случаях до 2 лет, временное заключение в крепости на срок от 4 недель до 4 лет (с 1885 г. от 2 недель до 6 лет, а в некоторых случаях до 8 лет) [2, с. 171]. Временное заключение в тюрьме было трех видов: 1) с лишением всех особенных прав и преимуществ, «лично и по состоянию или званию осужденного ему присвоенных»; 2) с лишением лишь некоторых указанных прав и преимуществ; 3) без лишения этих прав и преимуществ [2, с. 171].

В Уголовном уложении 1903 г. система видов лишения свободы намного сократилась и включала каторгу, исправительный дом, заключение в крепость и арест [4, с. 809].

Исследователь законодательства в дореволюционной России М. Г. Детков указывает, что в конце XIX – начале XX в. «начинают закладываться прогрессивные тенденции развития системы уголовного наказания в виде лишения свободы, предпринимаются попытки классификации преступников, дифференциации и индивидуализации исполнения уголовного наказания» [5, с. 37–38].

В первые годы советской власти места лишения свободы стали создаваться при Наркомате юстиции ССРБ (Советской Социалистической Республики Белоруссии). В 1920 г. там был образован карательный отдел, в ведении которого имелись 15 исправительных домов (бывших тюрем) и 3 арестных дома, которые предназначались для кратковременного пребыва-

ния задержанных милицией и находились в ведении НКВД. Белорусские исследователи отечественной пенитенциарной системы делают заключение, что именно в это время выработались основные направления исправительно-трудовой деятельности, которые развивались в СССР вплоть до его распада [6, с. 66–75]. На территории БССР к середине 1939 г. имелось 10 общих тюрем, через год их насчитывалось 23, а к началу 1941 г. – 36 [6, с. 94]. Такие темпы роста количества мест лишения свободы свидетельствуют о небывалых в отечественной истории масштабах применения этого вида наказания.

В советский период лишение свободы было самым распространенным видом наказания. Применение реального лишения свободы в судебной практике СССР приобретало глобальный характер. Так, В. В. Лунеев указывает, что в 1961 г. к лишению свободы приговаривались 60,4 % осужденных [7, с. 799]. Увеличение количества случаев применения лишения свободы привело к тому, что удельный вес этого наказания к 1969 г. достиг 66,5 % (а в некоторых регионах приблизился к 80,0 %). В последующие годы данный показатель несколько снизился, но по-прежнему был достаточно высок и колебался в пределах 40–50 %. Только к 1990 г. доля назначения лишения свободы уменьшилась до 36,7 %. За 30 лет (1961–1990 гг.) практики применения уголовных наказаний в СССР общее количество осужденных к лишению свободы составило 14 107 959 человек [7, с. 799–800]. Такие масштабы применения данного вида наказания не прошли бесследно для общества и до настоящего времени.

За всю историю развития лишения свободы как вида уголовного наказания в государствах всего мира так и не было выработано единых подходов к пониманию его сущности и содержания, видов и сроков, порядка отбывания. В настоящей статье изучается вопрос о месте наказания в виде лишения свободы в системе мер уголовно-правового воздействия, регулируемых нормами белорусского законодательства.

Основная часть

Уголовно-правовое воздействие по содержанию и правовой природе представляет весьма широкое и многогранное явление.

Меры уголовно-правового воздействия, или меры уголовно-правового характера, – это общее название мер государственного принуждения и стимулирования, устанавливаемых в целях недопущения преступных посягательств, общественно опасных деяний и противодействия им. Указанные меры адресованы широкому кругу лиц. В зависимости от характера уголовно-правовых отношений (позитивные или конфликтные), в которых реализуется уголовно-правовое воздействие, категории лиц-адресатов можно условно разделить на законопослушных, совершивших преступления, совершивших общественно опасные деяния.

Позитивные (общие охранительные, общепредупредительные) уголовно-правовые отношения, воз-

никающие между государством и законопослушными гражданами, составляют основу правомерного поведения. В таких правоотношениях реализуется позитивная ответственность. Возникают общие охранительные правоотношения непосредственно из уголовного закона с момента введения его в действие [8, с. 18–21]. Уголовный запрет возлагает на граждан обязанность воздержаться от совершения преступления и тем самым регулирует поведение людей в обществе. Государство, устанавливая определенный круг преступлений под угрозой применения уголовных санкций (наказаний или иных мер уголовной ответственности), воздействует на выбор гражданином такого варианта поведения, который не запрещен законом.

Позитивная ответственность понимается как внутренний регулятор правомерного и нравственного

поведения человека. Она возникает и осуществляется как перспективная ответственность (ответственность в законе). Ожидаемое поведение, стимулируемое нормами уголовного закона, порождает позитивную ответственность субъекта [1, с. 391, 398–403].

Конфликтные охранительные уголовно-правовые отношения предполагают осуществление уголовно-правового воздействия на лиц, совершивших деяния, запрещенные Уголовным кодексом Республики Беларусь (далее – УК). В таких отношениях реализуется и ретроспективная (негативная) уголовная ответственность, которая выражается в мерах уголовно-правового принуждения, применяемых к лицу за совершенное преступление. Уголовная ответственность возникает как правовое последствие совершения преступления на определенной стадии развития конфликтных уголовно-правовых отношений, т. е. в момент, когда лицо, признанное виновным в совершении преступления, принуждается государством к несению предусмотренных законом лишений. Прекращаются отношения уголовной ответственности, а вместе с ними и конфликтные охранительные отношения, в момент погашения или снятия судимости.

Важно отметить, что конфликтные уголовно-правовые отношения в своем развитии не всегда ведут к реализации уголовной ответственности. Уголовно-правовое воздействие может осуществляться в рамках конфликтных правоотношений на стадиях применения принудительных мер безопасности и лечения либо исключения уголовной ответственности или освобождения от нее. Результатом развития таких правоотношений может быть признание деяния лица непроступным. Отсюда следует, что меры уголовно-правового воздействия могут применяться не только при реализации уголовной ответственности, но и при разрешении конфликта иным путем (например, через применение принудительных мер безопасности и лечения, освобождение от уголовной ответственности).

Сделаем краткий обзор выделяемых в уголовном законе видов рассматриваемых мер. Изучение развития всех конфликтных уголовных правоотношений, урегулированных действующим уголовным законом, позволяет обобщить меры уголовно-правового воздействия в определенную систему. Меры уголовно-

правового воздействия, основанные на конфликтных уголовных правоотношениях и реализуемые в их диапазоне, разделим на следующие группы:

- меры уголовной ответственности, включающие пять форм реализации уголовной ответственности, выражающихся в осуждении с применением назначенного наказания, с отсрочкой исполнения назначенного наказания, с условным неприменением назначенного наказания, без назначения наказания, с применением в отношении несовершеннолетних принудительных мер воспитательного характера;
- меры уголовно-правового воздействия, связанные с обеспечением основных мер уголовной ответственности (форм ее реализации) в процессе их исполнения: профилактическое наблюдение, общественно полезные работы²;
- меры уголовно-правового воздействия, связанные с обеспечением выполнения и соблюдения осужденным правоограничений, вытекающих из правового состояния судимости, после исполнения основной меры наказания – лишения свободы (например, превентивный надзор);
- меры уголовно-правового воздействия, направленные на заглаживание вреда, причиненного преступлением, или устранение преступных последствий (меры уголовно-восстановительного, компенсационного или материального характера): уголовно-правовая компенсация, добровольное возмещение причиненного ущерба (вреда), уплата дохода, полученного преступным путем (ст. 88-1 УК), и др.³;
- меры уголовно-правового воздействия, имеющие сложную правовую природу с образованием самостоятельного комплексного института с уголовно-правовой основой и содержанием элементов уголовно-исполнительного, уголовно-процессуального, конституционно-правового, гражданско-правового характера, в том числе специальная конфискация (ст. 46-1 УК), изложенная в новой редакции⁴;
- меры уголовно-правового воздействия, стимулирующие прекращение преступной деятельности, выявление, пресечение или раскрытие преступлений⁵;
- меры уголовно-правового воздействия регулятивно-предупредительного, профилактического характера, вытекающие из комплекса условий правомерности обстоятельств, исключающих преступность

²Такие меры образуют самостоятельную группу вспомогательных мер уголовной ответственности, которые наряду с назначенной судом основной мерой усиливают исправительно-предупредительное воздействие на осужденного (меры второго порядка).

³Указанные меры могут применяться как в состоянии судимости при применении основных мер уголовной ответственности, так и вне такого состояния (например, как условие освобождения от уголовной ответственности).

⁴Статья 46-1 УК «Специальная конфискация» введена Законом Республики Беларусь от 9 января 2019 г. № 171-3 «О внесении изменений и дополнений в некоторые кодексы Республики Беларусь», опубликованным на Национальном правовом Интернет-портале Республики Беларусь 18 января 2019 г. Изменения в УК вступили в силу через шесть месяцев после официального опубликования закона, т. е. с 19 июля 2019 г.

⁵Добровольное принятие лицом решения о прекращении преступной деятельности и выполнение им установленных законом условий может исключать уголовную ответственность (например, добровольный отказ (ст. 15 УК)) либо являться основанием для освобождения от уголовной ответственности (освобождение от уголовной ответственности участника преступной организации (ст. 20 УК), специальные виды освобождения от уголовной ответственности, предусмотренные в примечаниях к статьям Особенной части УК (например, в случаях освобождения заложника, сдачи огнестрельного оружия, боеприпасов и взрывчатых веществ, наркотиков, написания заявления о даче взятки)).

деяния: необходимая оборона (ст. 34 УК), причинение вреда при задержании лица, совершившего преступление (ст. 35 УК), крайняя необходимость (ст. 36 УК), пребывание среди соучастников преступления по специальному заданию (ст. 38 УК), деяние, связанное с риском (ст. 39 УК), исполнение приказа или распоряжения (ст. 40 УК);

- меры уголовно-правового воздействия, обеспечивающие безопасность, охрану и лечение (уголовно-лечебные меры), – принудительные меры безопасности и лечения⁶.

Системно-функциональный анализ правового статуса лишения свободы в уголовном законе позволяет сделать вывод о комплексном характере его образования и на основе этого вывода дифференцировать все составляющие элементы в зависимости от их функционального предназначения, влияния на содержание и природу происхождения иных правовых институтов и мер уголовно-правового воздействия следующим образом:

- лишение свободы как основной вид наказания (выражается в реальном его применении (в узком смысле));

- лишение свободы как модификация других его разновидностей: краткосрочное лишение свободы (арест), пожизненное лишение свободы;

- лишение свободы как необходимое условие (в значении юридической фикции или правовой угрозы) применения иных мер уголовной ответственности (при осуждении с отсрочкой исполнения назначенного наказания, при осуждении с условным неприменением назначенного наказания);

- лишение свободы как базовое наказание, определяющее перспективу применения превентивного надзора, (детерминирует возникновение меры уголовно-правового воздействия, связанной с обеспечением выполнения и соблюдения осужденным правоограничений, вытекающих из правового состояния судимости, после освобождения осужденного из исправительного учреждения);

- лишение свободы как критерий установления границ ранжирования тяжести преступлений по категориям (ст. 12 УК);

- лишение свободы как фактор определения условий режима отбывания в исправительных учреждениях;

- лишение свободы как правовой императив в правилах назначения наказания и системе санкционного обеспечения, выражающийся в фиксации максимального порога при индивидуализации меры наказания;

- лишение свободы как способ обеспечения уголовно-пенитенциарного соглашения (выполнение обязательств досудебного соглашения о сотрудничестве) и исполнения других видов наказания;

- лишение свободы как мера уголовно-процессуального пресечения (заключение под стражу) с перспективным прогнозом в счет будущей меры наказания, т. е. начало предварительной его траектории до официального (судебного) статуса наказания.

Резюмируя изложенное, следует отметить, что в действующем уголовном законодательстве феномен лишения свободы объединяет два принципиально разных его правовых статуса: правомерного явления и неправомерного явления.

Статус лишения свободы как правомерного явления рассматривается (в широком смысле) в значении правового инструментария уголовно-пенитенциарной ответственности, критерия дифференциации внутри уголовно-правовых институтов, а также правового средства, порождающего иные меры уголовно-правового воздействия и устанавливающего пенитенциарную связь с мерами уголовно-процессуального принуждения.

Лишение свободы в этом смысле раскрывается как срочная (арест, лишение свободы) и бессрочная (пожизненное лишение свободы) принудительная изоляция осужденного от общества на условиях отбывания (исполнения), определенных обвинительным приговором суда в соответствии с законом.

Статус лишения свободы как неправомерного явления заключается в преступном поведении, караемом в соответствии с нормами Особенной части УК (например, по ст. 182 «Похищение человека», ст. 183 «Незаконное лишение свободы», ст. 184 «Незаконное помещение в психиатрический стационар»).

Заключение

Проведенная дифференциация правового статуса лишения свободы по наполняющим его функциональным элементам, их влиянию на содержание и формирование иных правовых институтов, а также определение природы происхождения отдельных мер уголовно-правового воздействия дают основание утверждать о пенально-ресоциализирующей

природе междисциплинарного характера. Правовую природу лишения свободы обуславливает комплекс уголовно-правовых, уголовно-исполнительных и уголовно-процессуальных норм и институтов. Кроме того, этот статус формируется под влиянием групп общественных отношений, которые возникают в сфере правового регулирования судебной

⁶Эти меры могут быть назначены судом психически больным лицам, совершившим общественно опасные деяния, предусмотренные УК, лицам, совершившим преступления в состоянии уменьшенной вменяемости, лицам, совершившим преступления и страдающим хроническим алкоголизмом, наркоманией или токсикоманией.

и пенитенциарной психологии, социологии, предупреждения и профилактики преступлений и др.

Правовое регулирование лишения свободы как меры уголовно-пенальной ответственности не исчерпывается только уголовно-правовыми нормами о порядке ее назначения или иного применения. С данной мерой связан комплекс регулирующих норм уголовно-исполнительного (например, диф-

ференциация и индивидуализация исполнения лишения свободы) и уголовно-процессуального законодательства. Комплексный правовой статус лишения свободы, включающий нормы смежных отраслей и подотраслей законодательства, позволяет говорить о пенитенциарном типе уголовной ответственности ресоциализационно-реабилитационного характера.

Библиографические ссылки

1. Грунтов ИО, Шидловский АВ, редакторы. *Уголовное право. Общая часть*. Минск: Издательский центр БГУ; 2014. 727 с.
2. Таганцев НС. *Русское уголовное право. Часть Общая. Том II*. Тула: Автограф; 2001. 688 с.
3. Кузнецова НФ, Тяжкова ИМ, редакторы. *Курс уголовного права. Общая часть. Том 2. Учение о наказании*. Москва: Зерцало; 1999. 400 с.
4. Коробеев АИ, редактор. *Полный курс уголовного права. Том I. Преступление и наказание*. Санкт-Петербург: Юридический центр пресс; 2008. 1133 с.
5. Детков МГ. *Исполнение наказания в дореволюционной России: организационно-правовые аспекты становления и развития системы исполнения наказания в виде лишения свободы*. Москва: ВНИИ МВД СССР; 1990. 88 с.
6. Шарков АВ, Шабанов ВВ, Павлов ВП, Вениосов АВ, Кадушкин СА. *История исправительно-трудовых учреждений Беларуси*. Минск: Академия МВД; 1999. 222 с.
7. Лунеев ВВ. *Преступность XX века: мировые, региональные и российские тенденции*. Москва: Волтерс Клувер; 2005. 912 с.
8. Грунтов ИО, Шидловский АВ, редакторы. *Курс уголовного права. Общая часть. Том 1. Учение о преступлении*. Минск: Издательский центр БГУ; 2018. 863 с.

References

1. Gruntov IO, Shidlovsky AV, editors. *Ugolovnoe pravo. Obshchaya chast'* [Criminal law. General part]. Minsk: Publishing Centre of the Belarusian State University; 2014. 727 p. Russian.
2. Tagantsev NS. *Russkoe ugolovnoe pravo. Chast' Obshchaya. Tom II* [Russian criminal law. Part General. Volume 2]. Tula: Avtograf; 2001. 688 p. Russian.
3. Kuznetsova NF, Tyazhkova IM, editors. *Kurs ugolovnogo prava. Obshchaya chast'. Tom 2. Uchenie o nakazanii* [Course of criminal law. General part. Volume 2. The doctrine of punishment]. Moscow: Zertsalo; 1999. 400 p. Russian.
4. Korobeev AI, editor. *Polnyi kurs ugolovnogo prava. Tom 1. Prestuplenie i nakazanie* [Full course of criminal law. Volume 1. Crime and punishment]. Saint Petersburg: Yuridicheskii tsentr press; 2008. 1133 p. Russian.
5. Detkov MG. *Ispolnenie nakazaniya v dorevolyutsionnoi Rossii: organizatsionno-pravovye aspekty stanovleniya i razvitiya sistemy ispolneniya nakazaniya v vide lisheniya svobody* [Execution of punishment in pre-revolutionary Russia: organisational and legal aspects of the formation and development of the system of execution of punishment in the form of deprivation of liberty]. Moscow: Vserossiiskii nauchno-issledovatel'skii institut Ministerstva vnutrennikh del Rossiiskoi Federatsii; 1990. 88 p. Russian.
6. Sharkov AV, Shabanov VB, Pavlov VP, Veniosov AV, Kadushkin SA. *Istoriya ispravitel'no-trudovykh uchrezhdenii Belarusi* [History of corrective labour institutions of Belarus]. Minsk: Academy of the Ministry of Internal Affairs; 1999. 222 p. Russian.
7. Luneev VV. *Prestupnost' XX veka: mirovye, regional'nye i rossiiskie tendentsii* [Crime of the 20th century: global, regional and Russian trends]. Moscow: Wolters Kluver; 2005. 912 p. Russian.
8. Gruntov IO, Shidlovsky AV, editors. *Kurs ugolovnogo prava. Obshchaya chast'. Tom 1. Uchenie o prestuplenii* [The course of criminal law. General part. Volume 1. The doctrine of crime]. Minsk: Publishing Centre of the Belarusian State University; 2018. 863 p. Russian.

Статья поступила в редколлегию 24.03.2023.
Received by editorial board 24.03.2023.